

Буддийская тема в поэзии А.С.Кушнера

русская поэзия, лирика А.С.Кушнера, буддийская тема, текст, интерпретация

А.С.Кушнер (род. в 1936 г.) – один из лирических поэтов современности. Поистине его творческий дар производит глубокое впечатление, несмотря на внешнюю сдержанность стиля и подчеркнутую простоту интонационного рисунка. В нем отчетливо и недвусмысленно просматривается принадлежность к петербургской школе отечественной поэзии, и дело не только в фактах биографии или топографических приметах («*Даже в Пензе, в Казани / Я обратный билет / Проверял бы в кармане, / Петербургский поэт*» – «*Я бы в Томске томился...*», 2010 [Кушнер 2011: 216]), но и в опыте воспроизведения души северного города, его строгой холодной осанки. Лирика А.С.Кушнера, если так можно выразиться, интеллигентна – в том весьма специфическом значении, в каком слово «интеллигентность» употребляется только в России. Носитель этого свойства обладает широким умственным кругозором и в то же время, не замыкаясь одной чертой, несет в себе ясную нравственную идею, живет с ней, верно и благородно, как рыцарь, ей служит.

Этика же А.С.Кушнера – в привязанности к обычным, хорошо знакомым и осязаемым вещам, в пренебрежении теми, на первый взгляд, заманчивыми идеологемами, которые окутывают сознание человека туманом «обворожительных» слов и используют его как орудие для достижения собственных целей. Трагедия XX столетия, по убеждению А.С.Кушнера, была связана с приходом на историческую сцену массового человека, «безудержной толпы», когда отвлеченный идеал стал цениться выше скромных радостей жизни, когда вполне объяснимое и законное желание существовать сносно, «для себя», вне коллективных устремлений, называлось «диким мещанством», «буржуазным пережитком» и прикладывались колоссальные усилия, чтобы избавить людей от подобного, столь естественного для них чувства. Примечательно в этом плане стихотворение «*Подражание английскому*» из цикла «*Холодный май*» (2005) [Кушнер 2011: 193-194]. Оно сюжетно, но повествуется в тексте о воображаемом: если бы поэт имел большой дом, он обязательно пригласил бы к себе «*благодарного гостя*», который «*ужинал бы с нами, вино бы пил, / Шляпу у нас забывал бы на стуле, трость*». Жизнь, как она видится А.С.Кушнеру, – спокойная, размеренная, здоровая рутина, противопоставленная суете городского цивилизованного дня. В ней тепло, уютно, она очеловечена («*Мы у камина бы грелись, огонь в золе / Тлея, бронзовой шуровали бы кочергой*»), и даже призрак, обитающий в левом крыле дома, не дань английской традиции или западноевропейскому готическому роману («*А у вас в крыле / Правом никто не живет?*»), а неприменный атрибут обжитости места, важный знак связности поколений, их органической неразделенности.

Уже обращалось внимание на то, что художественное мировоззрение А.С.Кушнера – оригинальное развитие акмеистических установок серебряного века. Тут, бесспорно, ощущается и «тоска по мировой культуре» (О.Э.Мандельштам), и нацеленность на фактурное изображение окружающих предметов, и уход от размытой символизации, и любовь к обыденному.

А еще одной чрезвычайно значимой деталью переклички литературных голосов является буддийская тема. Нельзя сказать, что она полноценно присутствовала у всех поэтов акмеистического цеха, однако буддийский взгляд был в целом им не чужд. Из эксплицитных примеров – знаменитое стихотворение И.Ф.Анненского «*Буддийская месса в Париже*» (1910) [Анненский 2012: 134-135], доминантным настроением которого является чувство непроясненного смысла, словно мерцающего в

«храмовом» пространстве среди дымящихся смол, когда слова самим ритмом и музыкальной формой устанавливают связь между невыразимой тысячелетней традицией и современной эпохой. Интерес акмеистов к буддийской культуре (в контексте русской «ориентофилии») был, конечно, не случайным. Его провоцировала атмосфера времени, в котором противоречиво соединялся позитивный рационализм предшествующего века с оккультным мистицизмом наступающего. Акмеисты наследовали символистские образы, вкладывая в них совершенно иное содержание.

Естественно, А.С.Кушнер не копирует слепо своих учителей и наставников в поэзии. Он дает другую трактовку буддийского. В ней авторское понимание этических проблем перемежается с точным воссозданием инокультурных особенностей.

Наиболее чисто и программно эта тема отражена в стихотворении «*Мир становится лучше, – так нам говорит Далай-лама...*» из цикла «*Холодный май*» (2005) [Кушнер, с. 188–189].

Композиционно стихотворение состоит из восьми строф, но в смысловом отношении оно делится на три неравные части.

В первой части поэт приводит достаточно парадоксальную мысль Далай-ламы, согласно которой мир, в котором мы живем, улучшается, эволюционирует в положительном направлении, вопреки многочисленным фактам «от обратного». Ключевым моментом этой части является признание автора в том, что его субъективное восприятие совпадает с буддийским («*я в этом смысле – буддист*»). Позиция эта на первых порах вызывает резонный протест, поскольку очевидная картина мира как будто бы диаметрально противоположна. Учтем также и то, что привычные суждения о мире и месте человека в нем основаны у нас, как правило, на авраамических религиозных представлениях, по которым «золотой век» ушел в прошлое, мир, испортившись, впал в грех, становится все хуже, так что грядет неизбежная расплата, неотвратимое возмездие. (То, что в неавраамических и околобуддийских верованиях существует сходное миропонимание, ситуацию не меняет. В классическом индуизме время измеряется космическими циклами, и наша эпоха в качестве небольшой временной части входит в «цикл Кали-юга», когда несовершенство достигает таких размахов, что ни одно светлое и доброе начинание не может закончиться благостью для живого). Однако эта позиция имеет внутреннюю мотивировку, и связана она с нежеланием думать «как все», с попыткой преодолеть навязанные стереотипы, с усталостью от «правильного» и «расхожего». Мы находим ее в отдельных стихотворениях «*Холодного мая*»: в «*Не люблю французов с их прижимистостью и эгоизмом...*» (текст демонстрирует отсутствие этнической терпимости, ее заменяет сознательная любовь к природе), в «*Станешь складывать зонт – не дается...*» (житейский эпизод, описывающий неумение быстро сложить зонт, оборачивается в финале претензией к «миропорядку»), в «*Ты мне елочки пышные хвалишь...*» (тонкоязвительный намек на то, что нередко предметы изображаются по общему, единому канону, равносильному полной безвкусице). Буддизм у А.С.Кушнера – из разряда тех истин, к которым необходимо тянуться, ибо они не на слуху, а значит, заслуживают понимания и постижения. Процесс познания, в свою очередь, глубоко персоналистичен, и потому улучшение мира поэт обнаруживает чаще всего весной, в тихие майские дни, когда греет солнце и прорастает листва. Нетрудно в этом вскользь брошенном замечании уловить иронию автора: ведь буддизм в лице Далай-ламы, утверждая о том, что человечество меняется в лучшую сторону, имеет в виду первичность сознания, которое конструирует вещь в нужном для себя ракурсе; поэт же провозглашает свою зависимость от внешней среды и текущего настроения (это буддизм признает, но не приветствует). Ирония, тем не менее, тут безобидная; она включена в свободный познавательный процесс, и если бы отсутствовала возможность мудро улыбнуться, то, пожалуй, буддизм оценивался бы со знаком отрицания, как то, что располагается в ряду стереотипных правд и навязанных идеологий.

Вторая часть событийна. В ней рассказывается о рождении в 1935 году мальчика-буддиста, которого тибетская община (*сангха*) признала земной реинкарнацией Будды. Иронический подтекст в описании этой части сохраняется, будучи окрашенным в лирические тона, ср. *«Обязательно в мальчике? – Нет, почему же? Программа / Отработана так, что и девочкой стать Далай-лама / Может в новом свое воплощение... Вьюнок, горюцвет, / Голубой гиацинт... Захотелось увидеть Тибет»*. Сочувственный лиризм проявляется даже в тех локусах текста, где он, казалось бы, излишен, где срабатывает механизм устойчивых исторических ассоциаций негативного толка. Известно, что мальчика нашли в одном из тибетских селений в 1937 году. Это памятный год в советской стране, год, отмеченный новым витком репрессий. Но Тибет на этом фоне был уголком редкого благополучия, и А.С.Кушнер вносит в изображение края одну изящную пейзажную подробность. Фразой *«цвел жасмин и гудела пчела»* (*«Только в 37-м (цвел жасмин и гудела пчела) / Поисковая группа его в деревушке нашла»*) он, с одной стороны, воскрешает излюбленную образную систему (пчелы, шмели, бабочки, стрекозы, голуби – частые герои его поэзии), а с другой – тонко и мастерски передает состояние скрытой психологической напряженности, то, что в *«Подражании английскому»* обозначено так: *«И за окном прогремела бы вдруг гроза»*. В самом деле, мы ясно слышим живую гудящую тишину красивой горной местности, безмолвие, располагающее к созерцанию. Но тишина эта обманчива, она предвестница неистовой эпохальной бури. Вся последующая история Тибета служит подтверждением такого двойственного чувства. Страна не сумела отстоять независимость и, вынужденно войдя в мутные потоки большой истории, растеряла грандиозный, веками складывавшийся, как старая крепость, духовный потенциал. А.С.Кушнер, правда, и здесь не утрачивает нежного лиризма, упоминая о том, что возвратиться в Тибет Далай-лама все же мог бы для того, чтобы умереть на родине, – тихо, мужественно, спокойно: *«Захотелось, чтоб мирно китайцы ушли из Тибета, / Чтобы смог Далай-лама увидеть тибетское лето, / Умереть во дворце своем в легкий предутренний час»*.

Третья часть возвращает нас к первой. Автор кратко раскрывает смысл или, лучше сказать, причину невидимого «улучшения мира». «Улучшение» происходит потому, что человек в нем нуждается (*«А иначе зачем бы рождаться опять и опять...»*), существует в этой потребности, даже если констатирует, что все происходит иначе. Несомненным свидетельством процесса «улучшения» является сам Далай-лама, живущий вдали от Тибета, но сохранивший верную память о ней, не сломавшийся под напором стихийных и безжалостных обстоятельств судьбы. А.С.Кушнер, намеренно или нет, воссоздает одну из глубинных констант восточного типа мышления, а именно его ориентацию на истину в тесном переплетении с человеком как ее носителем. Если для западного культурного сознания истина всегда была выше конкретного человека, его дум и страстей, пребывая в надмирной объективности, то для восточного, наоборот, истина – категория антропологическая. Она проверяется человеком через человека, поэтому, осмысливая истину, нужно видеть полноту контекста и, прежде всего, того, кто говорит о ней (тот, кто испытал страдание, обладает опытом и соотносит слово с делом, или тот, кто находится по отношению к ней на расстоянии и размышляет абстрактно). Западное мышление – отвлеченное, «статуарное», восточное – привлеченное, «пластическое», водораздел между ними слишком велик, чтобы можно было вести речь о единстве (см. подробнее: [Бекметов 2014]). Любопытна интонационно-синтаксическая инструментовка одной и той же мысли в конце седьмой – в начале восьмой строфы. Она на разный лад фиксирует темпоральный аспект изменений. Мир улучшается медленно, неуклонно, без четких и видимых проявлений, *«незаметно»*: *«Мир меняется к лучшему, но незаметно для нас. / Незаметно для нас. Незаметно для нас?..»*. В первом случае слово «незаметно» употреблено диалогически, как противопоставление исходной идее;

во втором – повествовательно, как если бы поэт, приведя запальчиво в споре контраргумент, вдруг вслушался в произнесенное; в третьем – вопросительно, как то, что следовало бы отнести к себе. В итоге поэт выстраивает концептуальную позицию, в которой мир, каким бы жестоким он ни представлялся, все равно чист и прекрасен, ибо надежда на лучшее заложена в природе бытия, и человек не может стать исключением. А.С.Кушнер уходит от концептов исторического буддизма, плотно смыкая «буддийский» взгляд с поэтическим (примерно так, как это делал А.А.Фет, переводчик А.Шопенгауэра, испытавшего сильное влияние буддийской религиозной доктрины. А.А.Фет потому и воспевал Красоту, что воспринимал мир как преходящую иллюзию, «майю», как то, что крайне переменчиво и на что положиться нельзя). В статье «Величие замысла» (2007) он писал: «Смысл жизни для одного заключается в Боге <...>, для другого – в удовольствиях, для третьего – в детях <...>. Для кого-то <...> смысл состоит в отсутствии смысла. Но есть <...> один неучтенный, неопровержимый смысл, накрывающий всех, и чем он очевидней – тем незаметней, тем дальше отнесен на периферию общественного сознания. Назову его поэтическим смыслом бытия. Земля прекрасна так, как будто мы въехали в заранее кем-то подготовленную для нас <...>, обставленную лесами, горами, украшенную морями <...> квартиру. Да, в этих комнатах льется кровь, размещаются больничные палаты, люди казнят и мучают друг друга. И все-таки нет человека, который хотя бы изредка, мимоходом, не отдавая себе в этом отчета, не обрадовался бы солнечному лучу, лесной тропинке, кусту шиповника <...>. Поэзия – не выдумка поэтов, она разлита в этом мире, ею пропитана жизнь с ее любовью, радостями, страданием, отчаянием и надеждой» [Кушнер 2011: 498-499].

Другие тексты А.С.Кушнера выражают индобуддийскую теорию сансары – движения по кругу бесконечных перерождений. Так, об этом прямо сказано в стихотворении «Кавказской в следующей жизни быть пчелой...» из цикла «Таврический сад» (1984) [Кушнер 2011: 112-113]. Если в русской лирике конца XIX – начала XX века этот круг был синонимом дурного повторения (к примеру, в стихотворении А.А.Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» (1912)), то у поэта конца XX столетия превалирует более благожелательное отношение к нему. Ведь, родившись пчелой, он обретает уникальную возможность заострить поэтическое чувство, открыть мир в новом свете, летая «путем слепым». В то же время ощущение свободы тут небезупречно, ибо память о прошлой жизни (в образе дыма, которым пасечник «в широкополой шляпе» окуривает перед медосбором улей) иногда вторгается и заставляет с ностальгией вспомнить былое. Вариант этой концепции – стихотворение «На узбекском базаре такая является мысль...» из названного цикла. Его герой воображает себя узбеком, торгующим сладкими пряностями на многолюдном рынке («Не придется ли в будущей жизни родиться узбеком?»). Автор пробует, тем самым, посмотреть на чужой мир изнутри, его собственными глазами, и подмечает множественные культурные различия. Там, где у греков «дорический ордер» или «скульптура», в традиционной узбекской среде – «голубой, бирюзовый, зеленый, как чай, изразец» (разноцветная мозаика на стенах среднеазиатских мечетей или мавзолеев). Отсюда – констатация наличия определенной пропасти в человеческих взаимоотношениях. Вывод прост: да, все люди отличаются друг от друга, но это – нормально, потому что различия заложены изначально, в актах библейского первотворения («Нас лепили из глины. Но разная глина везде. / В этой – стойкости больше, а в той – белизны и печали»). Буддийский мотив, таким образом, дополнен иудейско-христианским.

Встречается у А.С.Кушнера и явно буддийская мысль о сострадании ко всему живому. В стихотворении «В цеху разделочном, мясном кипит работа...» из цикла «Мелом и углем» (2010) [Кушнер 2011: 222-223] развивается тема противоестественности убоя, когда философская образованность, вызванная чтением Шеллинга

и Канта, и высокие слова о гармонии в природе остаются пустым, жестоким позерством. Между словом и делом – неизменно мучительный разрыв, и человеку потому еще далеко до совершенства.

Буддийская тема в творчестве А.С.Кушнера требует досконального изучения, причем не только в качестве внешнего предмета, но и – что очень заманчиво – как точки зрения, инкорпорированной в структуру художественного мышления, в то, как видит и оценивает писатель действительность. Культурно-историческое зачастую выступает в облики индивидуально-личностного.

Литература

Анненский И.Ф. Тихие песни: стихотворения, баллады, поэмы / И.Ф.Анненский. – М.: НексМедиа, ИД Комсомольская правда, 2012. – 238 с.

Бекметов Р.Ф. Еще раз о «символе веры» Ф.М.Достоевского (к восточному контексту мировоззренческой формулы) / Р.Ф.Бекметов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (37): в 2 частях. – Ч. I. – С.30–34.

Кушнер А.С. По эту сторону таинственной черты: стихотворения, статьи о поэзии / А.С.Кушнер. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 544 с.